

ИССЛЕДОВАНИЯ

П.И. Лисицын и Шатиловская Госсемкультура: проект государственной системы сортового семеноводства

ОЛЬГА Ю. ЕЛИНА

Институт истории науки и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
olga.elina25@gmail.com

В работе рассмотрен один из этапов научно-организационной деятельности выдающегося русского селекционера Петра Ивановича Лисицына (1877–1948) — создание по его инициативе и планам государственной системы сортового семеноводства. Заручившись поддержкой высокопоставленных советских руководителей, Лисицыну удалось в кратчайшие сроки не только запустить проект в общероссийском масштабе, но и выстроить с нуля, доведя до максимальных мощностей, Шатиловскую Госсемкультуру — первый из десятка семенных рассадников. В работе исследуются история создания, особенности функционирования и обстоятельства «заката» Госсемкультуры как одного из первых проектов государственной модернизации сельского хозяйства, базового элемента институционализации практической селекции и семеноводства в Советской России в 1920-е гг.

Ключевые слова: селекция, семеноводство, П.И. Лисицын, Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция, Госсемкультура, модернизация сельского хозяйства, СССР.

Имя Петра Ивановича Лисицына хорошо знакомо каждому растениеводу в нашей стране. Лисицын — автор множества сортов сельскохозяйственных растений, выведенных на Шатиловской опытной станции, которой селекционер отдал более 20 лет жизни. Он — один из ведущих профессоров Тимирязевской академии, выпустивший плеяду прекрасных специалистов. По всей стране студенты и дипломированные агрономы штудировали «пёстренького Лисицына» — тёмно-зелёный двухтомник избранных трудов П.И. Лисицына по селекции и семеноводству, получивший весёлое прозвище благодаря узорчатому корешку. Известна в целом и история создания Лисицыным Шатиловской Госсемкультуры — части модернизационного проекта организации в государственном масштабе сортового семеноводства. Однако подробности зарождения, реализации и крушения этого грандиозного проекта, который вполне

мог бы стоять в одном ряду с «химизацией сельского хозяйства» Д.Н. Прянишникова, оставались вне фокуса внимания исследователей.

В находящейся в редакционной подготовке монографии О.Ю. Елиной о шатиловском периоде жизни и деятельности П.И. Лисицына этому вопросу посвящена специальная глава. Поскольку материал представляет собой законченный сюжет, мы сочли возможным предложить его в сокращённом варианте для специального выпуска журнала, освещающего историю селекционно-генетических исследований в России. Предпосланная основному тексту вводная часть с краткой биографией П.И. Лисицына подготовлена специально для данного номера.

Редколлегия

Пётр Иванович Лисицын родился 7 (19) января 1877 г. на хуторе Телятинки Лихвинского уезда Калужской губернии (ныне Суворовский район Тульской области) в семье уездного писаря. Лисицыны владели крупным хозяйством, жили хлебопашеством. Несмотря на денежные трудности, в многодетной крестьянской семье почти всем детям смогли дать высшее образование. В 1896 г. Пётр, выпускник Калужской гимназии, поступил на юридический факультет Московского университета, но уже через год перешёл на естественное отделение физико-математического факультета. Его особенно интересовали анатомия и физиология растений (К.А. Тимирязев), микробиология (Н.Н. Худяков), агрономическая химия (А.Н. Сабанин). После окончания университета в 1903 г. с целью углублённого изучения агрономической науки Пётр решил продолжить учёбу в Московском сельскохозяйственном институте (бывшая Петровская земледельческая академия, ныне Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева), куда был зачислен на третий курс. В то время в МСХИ преподавали выдающиеся учёные: И.А. Каблуков, Д.Н. Прянишников, Н.Н. Худяков и другие. Пётр специализировался по кафедре частного земледелия у Прянишникова, работал «с вознаграждением» в лаборатории микробиологии у Худякова.

После окончания института и службы в армии Лисицын в 1908 г. занял должность младшего помощника заведующего Шатиловской сельскохозяйственной опытной станцией (Тульская губ., сейчас Орловская обл.), которую в то время возглавлял А.Н. Лебедев — друг по гимназии, университету и МСХИ, впоследствии видный агрохимик. Станция была открыта в 1896 г. Департаментом земледелия соответствующего министерства в рамках государственной программы развития опытных агрономических институций. С Шатиловской станцией связано более 20 лет плодотворной работы Лисицына. В первые годы он возглавлял опытное поле (серия работ по севооборотам с занятыми парами, культуре клевера на семена, агротехнике овса и др.) и административно-хозяйственную часть. В круг его интересов быстро вошла селекция. Сначала один, впоследствии со своими сотрудниками (А.Г. Зихман (Лисицыной), С.И. Макаровым, К.Б. Веселовским, Д.И. Введенским, А.Н. Покатаевым) Лисицын занимался отбором, испытанием и выведением сортов овса (с 1911 г.), клевера, озимой ржи и вики (с 1912 г.), озимой пшеницы (с 1913 г.) и других (к 1926 г. — всего 19 культур). Для углублённого изучения селекции и физиологии растений Лисицын был командирован Департаментом земледелия за границу (Австрия, Германия, Англия, Швеция). В связи с преобразованием в 1912 г. Шатиловской станции в областную предстояло открыть отдел селекции. Его предложили возглавить Лисицыну, для этого

спешно вернувшемуся из командировки. Развитие нового подразделения было приостановлено Первой мировой войной, когда мобилизованный на фронт Лисицын лишь в редкие увольнительные мог выбираться на станцию. В 1916 г. его прикомандировали к Научно-технической лаборатории Военного министерства для изучения рас дрожжей, хорошо бродивших при низкой температуре полевых кухонь.

После революции 1917 г. для Шатиловской станции открылись новые перспективы: были получены дополнительные земельные площади в сотни гектаров, перешедшие от национализированных поместий Шатилова и др. П.И. Лисицын обратился в Народный комиссариат земледелия с предложением о создании государственных рассадников сортовых семян, действующих на основе хозрасчёта и кооперации — Госсемкультур. Материалы его доклада на заседании правительства легли в основу декрета о семеноводстве, подписанного председателем Совета Труда и Оборона В.И. Лениным 13 июня 1921 г. Проект Госсемкультур

получил поддержку советского правительства: его выполнение курировал заместитель СТО А.Д. Цюрупа. П.И. Лисицын возглавил первую из открывшихся Госсемкультур — Шатиловскую. Согласно положению о Шатгоссемкультуре 1922 г., в её задачи входило размножение селекционных сортов полевых и огородных культур для Северо-Черноземной области. В тот же год началась организация обширного хозяйства Госсемкультуры. С 1923 г. под руководством Лисицына проходило кооперирование крестьянских хозяйств для производства сортовых семян; вскоре был основан Шатиловский семенной союз. Шатгоссемкультура успешно размножала многие ценные сорта сельскохозяйственных растений, в том числе выведенные Лисицыным сорта овса Шатиловский 33 и 56, рожь Лисицынскую и др. С 1926 г. по 1929 г. Лисицын возглавил также Шатиловскую станцию. К этому времени усилиями прежде всего А.Н. Лебеяднцева и П.И. Лисицына станция была превращена в комплексное научно-исследовательское учреждение с девятью отделами и большим числом научных работников.

Конец 1920-х гг., ознаменовавшийся введением жёсткого государственного регулирования всех сфер жизни, проведением коллективизации в деревне, не оставил места Госсемкультурам, основанным на свободных экономических отношениях. Перестройке подверглись и учреждения опытной агрономии, где на смену многопрофильности пришла узкая специализация. В 1929 г. П.И. Лисицын принял решение уйти с Шатиловской станции. По рекомендации Н.И. Вавилова он возглавил кафедру селекции и семеноводства полевых культур Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (МСХА), где проработал до конца жизни. В том же году учёный совет Наркомпроса РСФСР присвоил ему звание профессора; он был удостоен также звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». Кроме преподавания селекции и методической разработки курсов (учебник «Общая селекция и семеноводство полевых

П.И. Лисицын, середина 1920-х гг.

культур», 1934 г., совм. с В.Н. Хохловым), П.И. Лисицын продолжал научные исследования. На кафедре МСХА проводилась селекция клевера, озимой ржи, озимой и яровой пшеницы, овса, ячменя, гречихи, озимой и яровой вики. Под началом Лисицына действовала специальная «клеверная группа», где накапливался и обобщался огромный опытный и теоретический материал. В 1947 г. вышла монография «Вопросы биологии красного клевера», отмеченная в 1948 г. Сталинской премией I степени. Итогом селекционной работы Лисицына, кроме упомянутых сортов овса и ржи, стал клевер Среднерусский, гречиха Богатырь, ряд сортов льна, люцерны, вики и других культур.

Одновременно с преподаванием в МСХА П.И. Лисицын занялся привычной для него организационной деятельностью. В 1929 г. ему было поручено создать Институт зерна Наркомторга СССР (впоследствии Всесоюзный научно-исследовательский институт зерна и продуктов его переработки), который он возглавлял в качестве директора до 1931 г.

В 1932–1935 гг. Лисицын работал в должности заместителя директора по научной части в созданном им Московском селекционном центре (впоследствии Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центральных районов Нечернозёмной зоны, Немчиновка, Московская обл.). Он являлся консультантом Главного зернового управления Наркомзема СССР (1934–1936 гг.), работал в Государственной комиссии по сортоиспытанию, был одним из инициаторов издания журнала «Семеноводство».

В 1935 г. П.И. Лисицын был избран действительным членом Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. В 1936 г. ему присудили учёную степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации. П.И. Лисицын возглавлял бюро Секции зерновых культур ВАСХНИЛ, состоял членом учёного совета Всесоюзного научно-исследовательского института кормов им. В.Р. Вильямса. В 1939 г. он был удостоен ордена Ленина, в 1940 г. ему вручили Большую золотую медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за выведенные сорта зерновых, в 1947 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В годы утверждения лысенковщины П.И. Лисицын последовательно защищал менделизм и его адептов, публично высказывался против растущего произвола, профанации науки со стороны Т.Д. Лысенко и его сторонников. В ходе обсуждения претендентов на звание академика перед сессией ВАСХНИЛ 1948 г. он открыто возражал против кандидатуры И.И. Презента; неоднократно защищал академика А.Р. Жебрака.

Скончался П.И. Лисицын в Москве 20 февраля 1948 г. Постановлением Совета Министров СССР от 27 июня 1948 г. имя Лисицына было присвоено Селекционно-генетической станции МСХА (сейчас — Селекционная станция им. П.И. Лисицына) и Орловской государственной областной сельскохозяйственной опытной станции (бывшая и ныне восстановленная Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция).

Прочная группа хорошо организованных хозяйств, оборудованных новейшими усовершенствованиями техники семеноводства, находящимися под руководством и контролем специалистов-селекционеров <...> — вот условия, без которых в России не может быть прочно поставлено солидное семенное дело в большом масштабе.

П.И. Лисицын (1923)

Ни на какие чтения и волшебные фонари Госсемкультура не предлагает опираться. Единственной основой может служить очевидный хозяйственный расчёт.

П.И. Лисицын (1928)

Государственная система массового размножения чистосортных семян, получившая название Госсемкультуры, — достижение раннего советского семеноводства, обеспечившее рост урожайности зерновых уже в первые годы своего существования. В работе пойдет речь о предпосылках проекта, его идеологах, исполнителях и патронах, причинах крушения Госсемкультуры. Основное внимание будет сосредоточено на Шатиловской Госсемкультуре — первом из почти десятка семенных «комбинатов», создававшимся под покровительством В.И. Ленина. В центре исследования — автор проекта Госсемкультуры, глава Шатгоссемкультуры Пётр Иванович Лисицын.

Деятельность Госсемкультуры — важная с точки зрения историографии раннего советского периода тема. Это один из первых советских модернизационных проектов, пример того, как государство взяло на себя роль двигателя сельскохозяйственных преобразований, патрона агрономической науки. Однако, несмотря на неоднократное обращение к сюжету о Госсемкультуре в историко-научных трудах, он оставался «забытым вопросом», освещался схематично, без привлечения первоисточников и архивного материала¹.

В любой стране для замены «беспородных», несортных семян селекционными нужна организация, основной задачей которой являлось бы массовое размножение чистосортных семян. Так, в Германии основой такой организации с XIX в. стали частные селекционные компании и частная же система репродукции сортовых семян (Harwood, 1993, 2005). Семеноводческое дело в Швеции, на сельскохозяйственном юге страны, концентрировалось вокруг общественной (с государственным участием) Свалёфской селекционной станции, сорта которой размножались на полях акционерной компании землевладельцев Южной Швеции (Svalöf... 1986). В Российской империи единственная отрасль, где развивалось семенное дело, — свёкло-сахарная — также опиралась на частные и общественные капиталы, прежде всего Всероссийского

¹ Из небольшого числа работ по истории семеноводства, об основателях семеноводства и сортоиспытания упомянем главные: Пухальский, 2003; Глазко, Чешко, 2009; Гончаров, 2002; Елина, 2007; Троицкая, 1988; Ильина, 1997.

общества сахарозаводчиков (Елина, 2008, I, с. 253–263; Чешко, 1997)². Одновременно в XX в. в большинстве стран наблюдался процесс постепенного включения государства в модернизационные преобразования сельского хозяйства³.

Почему в Советской России при массе нерешённых вопросов в аграрной сфере решили начать с создания государственной системы семеноводства?

Предпосылки проекта и первые шаги Госсемкультуры

На рубеже 1920-х гг. внимание большевистского руководства было приковано к катастрофическому состоянию сельского хозяйства: сокращению посевных площадей, голоду не только в деревне, но и в крупных городах, нехватке продовольствия для фронта⁴. Кроме экстренных экономических мер — закупок зерна за границей, привлечения иностранной помощи, образования семенного фонда, семенной ссуды⁵, технократы из Наркомзема, ВСНХ, СТО в сотрудничестве с учёными-аграриями размышляли о стратегиях научной реорганизации сельского хозяйства. Одна из них — создание системы массового семеноводства как необходимой составляющей качественного восстановления посевных площадей. Обсуждались подходы к размножению сортовых семян в России и за границей, заслушивались предложения специалистов⁶. В их числе был известный к тому времени селекционер, глава отдела селекции Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (Тульская губ.)⁷ Пётр Иванович Лисицын с проектом Госсемкультуры.

² Не имея возможности в формате данной публикации детально останавливаться на ряде важных сюжетов, связанных с данной темой, мы будем предлагать читателю дополнительно ознакомиться с имеющейся историографией. О сельском хозяйстве и агрономической науке в дореволюционной России, например, см.: Елина, 2008; Никонов, 1995; Moon, 2013; Moritsch, 1986.

³ С этой точки зрения проект Госсемкультуры находился в русле мировых тенденций, намного их опережая. Для деталей государственной модернизации в странах Европы см.: Harwood, 2012.

⁴ Напомним: Советская Россия в это время — в кольце фронтов Гражданской войны и иностранной интервенции. В деревне на фоне неурожая и голода 1921 г. в Поволжье и южных губерниях, полным ходом идет продразверстка — основа политики «военного коммунизма»; против отбора хлеба бунтует наиболее сознательная и обеспеченная часть крестьянства: восстания в Тамбове, Сибири (Иркутской, Тобольской, Омской губ.) и других регионах. Вопрос о хлебе — первоочередной. О голоде как катализаторе принятия решений в истории России см.: Tauger, 2011.

⁵ «Учитывая наличность выработанного многолетним трудом опытных станций высокоценного чистосортного материала», предлагалось создать специальный семенной фонд (Госсемфонд). Для этого требовалось «безотлагательно провести планомерную регистрацию, учёт и мобилизацию сортового зерна». См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 356 (Об образовании семенного фонда, увеличении посевных площадей, 1920). Л. 28об.; Ф. 478. Оп. 1. Д. 404 (Совещание о закупке за границей земледельческих машин, орудий, семян, 1920–1921). Л. 2–19.

⁶ Например, в 1919 г. на совместном заседании Сельскосовета и Главсовхоза был заслушан доклад об организации селекционного дела за границей и в России с обсуждением роли кооперации в этом вопросе. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 41. Д. 204. Л. 2–6 об.

⁷ О Шатиловской станции см.: Елина, 2008, II, с. 213–223.

Лисицын предпринимал попытки наладить массовое размножение семян селекционных сортов ещё с дореволюционных времен, организуя земские семенные союзы. Эти объединения контролировали процессы сохранения в чистоте сортового материала, но лишь в масштабе отдельных культур (овёс, клевер), в пределах своих губерний (Тульской и Орловской)⁸.

Революционное переустройство России в 1917 г. открыло для идей селекционера новые возможности. Лисицын начал с плана создания семеноводческого хозяйства при Шатиловской станции, которое должно было разместиться на территории переданной ей бывшей экономии Шатиловых Моховое⁹. На областном совещании по опытному делу в мае 1919 г. в Орле он выступил с докладами о возможностях организации сортового семеноводства в области (Лисицын, 1920а; Лисицын, 1920б). Не встретив понимания и поддержки у местных чиновников, П.И. Лисицын принял решение добиваться рассмотрения вопроса в московских властных кабинетах. Здесь судьба проекта сложилась иначе.

Проект Лисицына оказался своевременным по многим причинам. С точки зрения научно-технической он опирался на имевшиеся научные результаты селекционных учреждений (дореволюционные разработки, ставшие «первыми советскими сортами»), возможности привлечения иностранных инновационных технологий.

Моховое. Усадебный дом в процессе восстановления, 1922 г.

⁸ См. об этом: Елина, 2015, гл. VI.

⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 141 (Планы организации хозяйства в культурно-агрономическом центре «Моховое» Тульской губернии, 1918).

Удачно вписались в проект недавние политические и социально-экономические решения советской власти: национализация частных поместий гарантировала неограниченные земельные площади, курс на модернизацию сельского хозяйства — государственное финансирование. Принятие новой экономической политики (НЭП)¹⁰ в марте 1921 г. узаконило хозрасчёт и крестьянскую кооперацию, экономическую основу Госсемкультуры. Развитие советской технократии, особенности «личного большевистского патронажа»¹¹ позволили найти покровителей из числа высокопоставленных государственных чиновников — важное условие жизнеспособности нововведений.

В чём состоял проект государственного семеноводства в его действующем варианте, реализованном в 1920-е гг.?

Основная идея проекта — создание в каждом крупном сельскохозяйственном районе государственных рассадников маточных семян. Базами для них служили областные сельскохозяйственные опытные селекционные станции, где производилось зерно первой репродукции, элита. Семенные рассадники (питомники) — Госсемкультуры — размножали семена элиты и поддерживали в чистоте семенной материал. Завершающей стадией являлись семеноводческие кооперативы, объединения крестьянских хозяйств, осуществляющие самую масштабную репродукцию семян. Система обеспечивала заготовку семян в размере областных/республиканских потребностей. Полученные от Госсемкультур семена, прошедшие стадии апробации и сортоиспытания, составляли основу Государственного сортового фонда.

Особенность Госсемкультуры — введение в практику сельского хозяйства России агропромышленных технологий. Госсемкультура, по сути, первый опыт агропромышленного комплекса, в основе которого — использование механизации на всех этапах: от первичного элитного семеноводства до очистки и сушки зерна, размноженного в специальных союзах семеноводов.

Второй важный момент: Госсемкультуры — организации хозрасчётные, существующие на основе самокупаемости, самофинансирования, самоуправления; их существование напрямую зависело от НЭП.

И отдельные семенные рассадники, и вся система семеноводства как в официальных документах, так и в обиходе именовались Госсемкультурой. Возможно, именно отсюда проистекает путаница в терминах и отдельных звеньях системы, часто встречающаяся в исторических публикациях¹².

К тому моменту, когда П.И. Лисицын появился в Москве со своим проектом, в Советской России уже были приняты первые декреты об организации племенного дела в животноводстве¹³. Как полагает Н.П. Гончаров, влияние этих постановлений

¹⁰ О введении и сути НЭП см., например: Russia in the Era of NEP, 1991.

¹¹ О советском клиентизме, сотрудничестве большевиков и представителей дореволюционных элит, см.: Bailes, 1978; Fitzpatrick, 1998; Heinzen, 2004; Rowney, 1989; Walker, 2002.

¹² Можно предположить, что причина кроется и в явном замалчивании подлинной истории Госсемкультур в 1960–1980-е гг., когда на волне повышенного внимания к истории отечественного сельского хозяйства специалисты предпочитали не слишком углубляться в опасные дебри кооперативно-хозрасчётной составляющей государственного семеноводства середины–конца 1920-х гг.

¹³ Совет Народных Комиссаров 17 июля 1918 г. принял декрет «О племенном животноводстве»; в январе 1921 г. для массового улучшения породности скота и охраны племенных животных был принят декрет «О племенном животноводстве в трудовых хозяйствах». См.: Кузьмина, 2004.

на активность селекционеров растений несомненно (Гончаров Н., Гончаров П., 2009, с. 62).

Первая попытка Лисицына обсудить в Москве проект государственного семеноводства относится к концу 1919 г. Несколько дней Лисицын пытался заставить начальника Московского областного земельного управления (отдела):

Наконец смог всё же пробиться к нему со своим проектом, который явно заинтересовал его, но в это время коридор быстро наполнился новой толпой народа, привезли для сдачи серебро из Брасовского имения брата царя, и мой проект был сразу забыт (Лисицын, 1946, с. 40–43).

В результате селекционеру рекомендовали изложить предложение письменно, пообещали скорый ответ. Но, согласно его грустно-шутливому отчёту о «московских хождениях», «проект был похоронен без рассмотрения, <...> по третьему разряду» (Лисицын, 1946, с. 31). Вторую попытку Лисицын предпринял в начале 1920 г.: проект удалось доложить непосредственно в Наркомземе. На этот раз для обсуждения созвали межведомственное совещание с участием университетских профессоров, селекционеров, агрономов, представителей ВСНХ и других ведомств. Лисицына полностью поддерживали, но проект опять не получил хода — был «похоронен на этот раз уже по первому разряду». Что, как продолжил шутку Лисицын, «...по сравнению с его бесславной гибелью в 1919 году... был уже беспорный шаг вперед» (Лисицын, 1946, с. 31).

Однако через неполных два года, 13 июня 1921 г., Совет Народных Комиссаров издал за подписью председателя В.И. Ленина декрет «О семеноводстве», в основу которого были положены идеи Лисицына. Приведём этот короткий документ полностью:

Признавая расширение государственных мероприятий по семеноводству одним из важнейших способов укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, особенно в наступающий засушливый период, и учитывая наличность выработанного долготелными трудами опытных станций высокоценного чистосортного материала, могущего быть использованным для массового размножения высокоурожайных и засухоустойчивых полевых растений, Совет народных комиссаров постановляет:

1. Приступить немедленно к организации массового размножения и распространения в республике чистосортных семян, а потому организацию семеноводства в республике признать первостепенным заданием Наркомзема.

2. Обязать Наркомзем:

а) образовать из селекционного (чистосортного) семенного материала государственный фонд специального назначения, для чего безотлагательно провести планомерную регистрацию, учет и мобилизацию соответствующего семенного материала;

б) поручить в первую очередь Шатиловской, Энгельгардтовской, Московской, Воронежской, Саратовской, Безенчукской, Вятской и Омской областным станциям, а также и Ново-зыбковской опытной станции немедленно приступить к расширению и быстрой организации государственных питомников маточных семян, развивая селекцию и семеноводство применительно к условиям сельскохозяйственной области, для чего расширить находящуюся в их распоряжении площадь питомников путем передачи наилучших оборудованных совхозов;

в) выделить немедленно из каждой области сеть наиболее отвечающих всем требованиям семенных советских хозяйств с целью организации в них государственных рассадников для

размножения семян чистых сортов для последующего их распространения среди сельскохозяйственного населения области (О семеноводстве, 1967, с. 236–238).

Что произошло в этот промежуток времени? Каким образом удалось превратить «организацию семеноводства в республике» в «первостепенное задание Наркомзема»?

Принятие проекта. Высокие патроны

Послереволюционное десятилетие являлось особым этапом в государственной поддержке науки, отмеченным в историографии Советской России как «личный патронаж большевиков» (Александров, 1994; Елина, 2005), выстраивание клиентистских отношений между патронами-большевиками и клиентами-учёными, представителями дореволюционной науки. Патронаж со стороны высших должностных лиц вывел на авансцену и Лисицына с проектом Госсемкультуры.

Первое знаменательное событие этого сюжета произошло больше чем через год со времени последней неудачной попытки представить проект в Москве. В апреле 1921 г. «замнаркома (земледелия. — О.Е.) заехал на станцию, объезжая губернии теперешней Центрально-Черноземной области» (Лисицын, 1929, с. 128). Речь идёт о Н. Осинском — Валериане Валериановиче Оболенском, экономисте и революционном деятеле, до назначения в Наркомзем служившим уполномоченным ВЦИК по Тульской губернии и председателем Тульского губисполкома¹⁴. На Шатиловской станции замнаркома выслушал рассказ Лисицына о возможностях Госсемкультуры, осмотрел развешенные в селекционном отделе схемы организации сортового семеноводства. Уезжая, попросил проработать предложения более детально, с тем чтобы осенью доложить их в Москве¹⁵. Позже известный пролетарский журналист, соратник Ленина Л.С. Сосновский превратил эту историю в мифологизированный анекдот, опубликовав в «Правде» фельетон под названием «Современные робинзоны, или Автомобиль наркома (истинное происшествие)». По словам Сосновского,

Ввиду *поломки машины...* (выделено нами. — О.Е.) Осинский вынужден был провести на Шатиловской станции целый день. Тут он и смог детально познакомиться с селек-

¹⁴ Оболенский Валериан Валерианович (парт. псевдоним Н. Осинский, 1887–1938) — советский экономист, государственный и партийный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Первый председатель ВСНХ (1917). Уполномоченный ВЦИК в Пензенской и Тульской губерниях, председатель Тульского губисполкома (1918–1921). Член коллегии Наркомпрода, заместитель Народного комиссара земледелия (с 1921). В 1923–1924 гг. — полпред Советской России в Швеции. Член Президиума Госплана СССР (1925), управляющий ЦСУ (1926), заместитель председателя ВСНХ СССР (1929–1930). В 1932–1935 гг. — заместитель председателя Госплана СССР, в 1932–1937 гг. — председатель Государственной комиссии по определению урожайности. С 1932 г. — академик АН СССР, с 1935 г. — академик ВАСХНИЛ. В 1935–1937 гг. — директор Института истории науки и техники АН СССР. В марте 1938 г. привлечён в качестве свидетеля по процессу Бухарина–Рыкова. 1 сентября 1938 г. приговорён к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁵ Письмо П.И. Лисицына к А.П. Лебедевцеву от 20 июля 1921 г. Л. 1–2. Архив семьи Лисицыных (Мемориальный кабинет-библиотека П.И. Лисицына). Также об этом: Компанеев, 1971, с. 175–183.

ционными работами станции и выслушать соображения об организации в государственном масштабе семеноводства <...> До тех пор подобные проекты отвергались и царским департаментом земледелия, и земствами. Отвергались и Наркомземом в 1920 г. (Сосновский, 1923).

Ожидание от науки «чуда», «панацеи», мифологизация научного процесса и околонучных событий — интернациональный феномен, мало изученный на российском материале. Потребность в мифе возникает, например, при объяснении внезапного успеха учёного, будь то признание публики, внимание прессы или высокое покровительство¹⁶. Не так важно, ломалась ли машина наркома или он решил заехать на Шатиловскую станцию по долгу службы. «Миф о машине» свидетельствует о том, что с проектом Лисицына были связаны большие ожидания руководства страны.

Можно предположить, что «высокий начальник» докладывал о своих впечатлениях в самых высоких кабинетах — непосредственно главе Совета Народных Комиссаров, председателю Совета Труда и Оборона Владимиру Ильичу Ленину, с которым в то время часто обсуждал ход реализации НЭП¹⁷. Ленин определённо знал о работах Лисицына, получил сведения о нём именно от замнаркома: «...слышал раньше от Осинского *очень* (авторское выделение. — О.Е.) хороший отзыв о новом (или старом?) селекционере у Шатилова» (Ленин, 1949, с. 301). Известно также, что на рубеже 1920-х гг. Ленин активно интересовался агрономической наукой, в том числе селекцией. В его письмах этого периода неоднократно обсуждаются возможности агрономии, важность засева крестьянских земель усовершенствованными семенами¹⁸. Этот факт также оброс своего рода легендами и мифами. Так, личный секретарь Ленина, впоследствии управляющий делами Совнаркома, Н.П. Горбунов вспоминал о том, какое впечатление произвела на его шефа книга американского публициста А. Гарвуда «Обновлённая земля» (Гарвуд, 1924)¹⁹. В ней рассказывалось о достижениях американского сельского хозяйства как результате применения достижений агрономической науки. По словам Горбунова, Ленин загорелся идеей создать в Советской России «по примеру американцев научное сельское хозяйство». Начинать, как и в США, следовало с новых сортов. Так или иначе, через пару месяцев, 13 июня 1921 г., В.И. Ленин

¹⁶ В качестве примера см.: Pandora, 2001; на материале российской истории см.: Елина, 2002.

¹⁷ Осинский — постоянный посетитель Ленина на протяжении конца зимы — начала весны 1921 г. Обсуждения шли главным образом вокруг задач Наркомзема в рамках меняющихся экономических условий деревни. Как известно, 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б) была принята новая экономическая политика. Главное содержание НЭПа — замена продразвёрстки продналогом, использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы, в результате которой рубль стал бы конвертируемой валютой. В частности, Осинский отвечал за проекты привлечения иностранной помощи, закупки за границей и пр.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 404. Совещание о закупке за границей сельскохозяйственных машин, орудий, семян (1920–1921); Д. 302. Л. 1–15. Доклад о поездке в Данию и Швецию для закупки семян.

¹⁸ См., например: Ленин, 1949, с. 300–301; Ленин, 1949, с. 663.

¹⁹ Перевод книги (сокращённое изложение) был выполнен К.А. Тимирязевым в 1908 г.; в 1909 г. появилось первое издание. Об отношении В.И. Ленина к книге см.: Горбунов, 1933; Коль, 1924.

подписал первый государственный закон о семеноводстве — уже процитированный декрет СНК²⁰.

После принятия декрета его необходимо было наполнить конкретным содержанием, определить параметры будущих семеноводческих организаций, в том числе Шатиловской. Выработать структуру, научную составляющую, производственные мощности новых институций — Государственных семенных культурных хозяйств, или Госсемкультур, поручили Лисицыну; он должен был сделать подробный доклад в СТО — в тот период «главном штабе» принятия решений в области аграрной политики. Осенью 1921 г. Лисицын был вызван для участия в обсуждениях законодательных актов о Госсемкультуре.

Общий проект разрабатывался на основе модели Шатиловской Госсемкультуры, выстроенной Лисицыным вокруг Шатиловской станции, потенциальные возможности которой Лисицын знал во всех подробностях. По проекту, во главе семенной организации должна стоять *сельскохозяйственная опытная селекционная станция*, где создаются и поддерживаются в чистоте новые сорта (1 репродукция). Однако объём производства семян на станции невелик. Станция, подобная Шатиловской, как показывали расчёты, могла дать лишь десятки центнеров; потребности производства же исчислялись цифрами иного порядка. Если бы сортовые семена поступали в крестьянские хозяйства непосредственно со станций, без дополнительного размножения, посевы неизбежно засорились бы «беспородными» семенами той же культуры; о сортосмене говорить было бы невозможно. Например, чтобы заменить только семена ржи в зоне действия Шатиловской станции, необходимо было располагать площадью питомника около 3000 десятин (3270 га), в то время как весь станционный питомник был в два с лишним раза меньше. А если учитывать все запускаемые в производство культуры и сорта, необходимы десятки тысяч гектаров. Поэтому, продолжал рассуждения Лисицын, необходимо промежуточное звено — структура, размножающая семена нового сорта в чистоте и достаточном количестве для запуска его в производство (2-я репродукция). И основная задача — организация таких *специализированных маточных питомников, или рассадников, с необходимыми земельными площадями*. При них должна действовать зерноочистительная и сушильная фабрика, на которой семена проходили бы обработку для поддержания их в необходимой чистоте и кондиции. Наконец, необходимы *семеноводческие кооперативы — организованные крестьянские хозяйства*, которые бы размножали сорт до необходимых производственных потребностей (3-я репродукция). Несомненно, в этих построениях сказался опыт двухгодичной стажировки Лисицына в Германии и Швеции, в том числе подробное знакомство с селекционной станцией в Свалёфе и деятельностью Общества семеноводческой акционерной компании землевладельцев Южной Швеции — крупнейшей в Европе «фабрики зерна»²¹. Проект Шатиловской Госсемкультуры, покрывающей Северо-Чернозёмную область, был просчитан и прописан в деталях. Далее, на основе шатиловской модели, можно было с необходимыми региональными поправками выстраивать семеноводство в других областях²².

²⁰ Подробности утверждения Декрета см.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 19152. Л. 1–1 об.

²¹ Письма Лисицына 1912–1914 гг. Архив семьи Лисицыных (Архив Мемориального кабинета-библиотеки П.И. Лисицына).

²² Подготовленный текст с расчётами, цифровыми выкладками и общим обоснованием идеи Госсемкультуры Лисицын так и не опубликовал. Вероятно, в то время его занимало гораздо

Осенью 1921 г. Лисицын отправился в Москву для решающего доклада и участия в обсуждениях законодательных актов о Госсемкультуре²³. Пребывание в столице растянулось на несколько месяцев. Лисицын дорабатывал проект, консультировался с юристами. Он несколько раз делал подробные сообщения в различных аудиториях: помимо чиновников Наркомзема и его региональных отделов, селекционеров, агрономов его слушали и высокие советские лидеры²⁴. Так, по воспоминаниям И.В. Франца, заведующего Тамбовским земельным отделом, тому «пришлось присутствовать при докладе В.И. Ленину плана организации Госсемкультуры Лисицыным П.И. Были при этом Дзержинский, Калинин, и, кажется, Теодорович» (Франц, 1969). Обсуждения проходили бурно; организационные основы новой системы были приняты далеко не всеми. По словам Лисицына, особенно сложно шло согласование юридической стороны вопроса:

Они (юристы. — *О.Е.*) замучили меня всевозможными придирками к каждой фразе, а главное — совершенно не понимали смысла всего дела и поэтому явно ему не сочувствовали. Мои масштабы приводили их в раздражение. Потребовался целый месяц хождения к ним для неприятных разговоров, пока мы не познакомились ближе. Все они оказались бывшими неременными членами разных окружных судов, довольно добродушными людьми, хорошо знавшими свое дело. Один из них сознался мне потом, что все они считали меня авантюристом и решили «гнать в шею». Этим и объяснялось их отношение к делу (Лисицын, 1946, с. 41).

Проект критиковали и урезали:

Были минуты, когда казалось, что весь проект истерзан и от него уже ничего не осталось. Не знаю, чем бы кончилась вся эта трата энергии, если бы в дело не вмешался В.И. Ленин. Он заинтересовался проектом и поручил проведение его А.Д. Цюрупе (Лисицын, 1946, с. 42).

В.И. Ленин обязал Александра Дмитриевича Цюрупу, в то время — наркома продовольствия, с 1922 г. — своего заместителя по Совнаркому и СТО²⁵, лично курировать проект. Заметим, что у Наркомпрода и СТО в то время были другие, более срочные дела: проведение посевных кампаний, закупка семян и оборудования за границей и пр.²⁶ Тем не менее новый патрон активно включился в продвижение Госсемкультуры. Агроном по образованию, Цюрупа понимал важность проекта, грандиозные перспективы, которые открывались при его реализации. Неудивительно, что он запомнился

более важное дело практической реализации проекта. Лишь спустя десятилетия статья была напечатана по тексту рукописи в «Избранных сочинениях» (Лисицын, 1953).

²³ Поездка была сложным мероприятием: Лисицына снаряжали всей станцией, заготавливая в дорогу и для жизни в голодающем городе сухари, морковный чай, табак-самосад.

²⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2395. Основные положения к вопросу о массовой очистке посевного материала. Материалы по обсуждению проекта Госсемкультуры.

²⁵ Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928) — революционер, большевик, советский государственный и партийный деятель. Член ЦИК СССР 1–4 созывов, член ЦК ВКП(б) (1923–1928). Инициатор введения в стране продовольственной диктатуры, один из организаторов продотрядов.

²⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 739. Постановление СТО № 284 от 18 января 1922 г. о принятии срочных мер к проведению яровой семкампании 1922 г., проект постановления СТО о ходе проведения семкампании и др. Л. 26; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 404 (Совещание о закупке за границей земледельческих машин, орудий, семян, 1920–1921).

Лисицыну «обаятельным человеком <...> подкупающей искренности», с которым легко установился общий язык (Лисицын, 1953, с. 317):

А.Д. Цюрупа вызывал меня к себе на квартиру, снимал трубку со всех пяти телефонов, начинал мрачно расспрашивать, но вскоре загорался, начинал бегать из угла в угол — грани стирались: и скоро вместо зам. Председателя Совета Труда и Оборона и агронома Шатиловской станции по комнате гонялись друг за другом два агронома, забывшие все на свете — кроме противника, которого нужно убедить (Лисицын, 1953, с. 319).

О высоких патронах Лисицына в проекте Госсемкультуры свидетельствовали и современники: «При горячей поддержке тт. Осинского, А.Д. Цюрупы и определенном сочувствии В.И. Ленина дело стало осуществляться» (Сосновский, 1923).

В конце концов Лисицыну и его покровителям удалось убедить противников и сомневающихся в реальности проекта. 4 января 1922 г. на заседании СТО под председательством Цюрупы было утверждено «Положение о Шатиловской Госсемкультуре» (Положение, 1967, с. 289—293). 18 февраля 1922 г. по предложению В.И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о финансовой поддержке Шатгоссемкультуры (или Шатиловского треста, Шаттреста, иногда — Овсяного треста²⁷), а 4 марта своим постановлением оно обязало Народный комиссариат финансов отпустить Наркомзему необходимые для её организации средства. Важно, что согласно п. 16 «Положения» Госсемкультура освобождалась от государственных и местных налогов сроком на 6 лет²⁸.

Организация Шаттреста была поручена Лисицыну.

Реализация проекта: Шатгоссемкультура

Для П.И. Лисицына начался новый, не менее сложный этап проекта Госсемкультуры — организационный: «на местах надо было принять хозяйство, в Москве доставать средства и материалы» (Лисицын, 1946, с. 42). Главное — до начала посевной срочно требовалось привести в порядок земельные площади, предназначенные для семеноводческих хозяйств: бывшие «образцовые поместья» Тульской и Орловской губерний. В Мемориальном кабинете-музее П.И. Лисицына хранится папка с картонными листами, на которых — фотографии разрушенных владений с остатками оранжерей, конюшен, мельниц и пр., заснеженных полей с торчащими сорняками: «о бывших усадьбах напоминала только крапива, разросшаяся на местах фундаментов» (Лисицын, 1946, с. 43). Таков был результат «революционного передела» и прохождения в этих местах фронтов Гражданской войны²⁹. К каждой фотографии прилагается описание хозяйства, построек, земель; более полные сведения собраны Лисицыным в специальной тетради³⁰. Это итог кропот-

²⁷ В годы Гражданской войны среди растений, которыми занимался отдел Лисицына, на первый план выдвинулся овёс — главная фуражная и продовольственная культура. Отсюда — повышенное внимание к размножению сортового овса на Шатгоссемкультуре.

²⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 942. О выполнении Наркомпродом п. 16 Положения о Госсемкультуре об освобождении ее от государственных и местных налогов. 21 янв. 1922 г. Л. 50—52 об.

²⁹ Был организован строительный отдел из 40 инженеров и техников; для размещения строителей закупили целый военный городок, состоявший из 45 барачков.

³⁰ Архив семьи Лисицыных (архив Мемориального кабинета-библиотеки П.И. Лисицына).

ливого, напряжённого труда; данные приходилось собирать по крупицам, документов не сохранилось, управляющие поместьями давно исчезли. Как полагает Т.Н. Троицкая, материалы могли докладываться В.И. Ленину; многие места в книжке подчёркнуты — возможно, те, на которые тот обратил внимание (Троицкая, 1988, с. 51). Некоторые бывшие «дворянские гнёзда» приходилось отвоевывать у других наркоматов, которым они достались после экспроприации и национализации. Например, чтобы получить поместье Голунь, отведённое Тульскому каменноугольному управлению, пришлось участвовать в 22 заседаниях Наркомтяжпрома. К весне 1922 г. все намеченные для Госсемкультуры хозяйства были «очищены от прочих структур» и оформлены юридически как часть Шатсемтреста.

Не менее сложной проблемой, несмотря на обещанную поддержку, оказались государственные кредиты. По постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 4 марта 1922 г. Народный комиссариат финансов должен был кредитовать Наркомзем для приобретения необходимого Госсемкультуре оборудования за границей. Согласованная сумма по тем временам значительная — 196 тысяч рублей золотом. Вдруг — отказ в её выделении. Лисицыну срочно пришлось разыскивать «высоких покровителей» Шаттреста, что было не всегда просто: Цюрупа и Осинский находились в постоянных разъездах, зарубежных командировках. На этот раз через Осинского, оказавшегося в Берлине, удалось обратиться с просьбой к Ленину, который согласился «лично воздействовать в смысле полного обеспечения Шатиловки» (Ленин, 1949, с. 663). Ленин отреагировал мгновенно³¹. Прежде всего, он инициировал решение вопроса с кредитом, предложив замнаркома

Россошное. Сотрудники Госсемкультуры, 1924 г.

³¹ Хотя для Владимира Ильича это был тяжёлый период преодоления первого приступа болезни — предписанный врачами отдых в Горках.

земледелия И.А. Теодоровичу³² выяснить причину отказа и определить необходимую для налаживания работы Шатгоссемкультуры сумму ассигнований. Получив ответ, направил обращение в Финкомитет:

РСФСР
Председатель
Совета Народных Комиссаров
Москва, Кремль
4. XI. 1922
№ 8540
В ФИНКОМИТЕТ
Копия т. Теодоровичу

При рассмотрении сметы Наркомзема Межведомственное Совещание отказалось включить смету Госсемкультуры в бюджет Наркомзема, предложив просить ссуду у Госбанка, который вместо требуемых на первый квартал 3,5 триллионов рублей дает только один триллион.

Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу пересмотреть решение Межведомственного совещания с тем, чтобы удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры.

Прилагаю в качестве материала копию заявления тов. Теодоровича и копию письма т. Осинского, с которым я вполне согласен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) (Ленин, 1949, с. 307).

Далее Ленин озаботился, как бы сейчас сказали, созданием положительного имиджа Госсемкультуры. Для этого в октябре 1922 г. он написал Л.С. Сосновскому, в то время главному редактору газеты «Беднота», попросив привлечь внимание публики к Госсемкультуре и важности задач, которые она решала:

Псылаю Вам копию письма тов. Осинского <...>, в которой он пишет по поводу Шатиловского треста. Прошу Вас ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в «Правду» о значении этих работ вообще и о работе Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына. Все необходимые сведения Вы можете получить, вероятно, у тов. Теодоровича (Ленин, 1949, с. 300–301).

В результате была написана уже упомянутая статья о «современных робинзонах».

Обратим внимание: Лисицын не обращался за помощью к Ленину напрямую. Из архивных документов нельзя сделать однозначного заключения о факте их личной встречи. Сам Лисицын весьма уклончиво писал о своих выступлениях в «высоких кабинетах»: нигде нет прямых указаний на то, что его слушал Ленин. Селекционер лишь с благодарностью перечислял, как и в каких случаях мгновенная помощь Ленина разрушала преграды. Кредит на оборудование был отвоёван; в феврале 1923 г. посту-

³² Теодорович Иван Адольфович — государственный деятель, заместитель наркома земледелия в 1922–1928 гг.

пили первые суммы. После этого эпизода Ленин поручил Н.П. Горбунову отслеживать проблемы Госсемкультуры и делать необходимые доклады³³.

Работа по организации Шатсемкультуры шла полным ходом; на это, согласно принятому «Положению», отводилось на шесть лет³⁴. Основа Госсемкультуры — селекционная станция:

Шатиловская станция представляется, таким образом, основным питомником Госсемкультуры. Выведенные селекционным отделом Шатиловской опытной станции новые сорта или оказавшиеся лучшими при сортоиспытании существующие сорта размножаются в основном питомнике до тех пор, пока не заполнят всю предназначенную им площадь, а затем передаются для размножения Госсемкультуре. Для сохранения сорта в чистоте основной питомник непрерывно ведет размножение и ежегодно сдает Госсемкультуре для посева партию свежих семян гарантированной чистоты (Лисицын, 1953, с. 338).

Селекционный отдел Шатиловской станции ежегодно передавал свой сортовой семенной материал (маточные семена, или элиту) в хозяйство первого размножения, или 1-й репродукции, находящееся при станции. Площадь хозяйства соответствовала количеству семян элиты; в случае Шатиловской станции она составляла около 1200 десятин пахотной земли (1300 га). Урожай 1-й репродукции в свою очередь поступал в систему хозяйств 2-й репродукции — собственно Госсемкультуру, центральное звено семеноводства. Для этого заключалось специальное соглашение: подписывался договор, предусматривающий в том числе финансовую сторону отношений станции и Госсемкультуры³⁵.

Шатиловская госсемкультура создавалась на основе 11 хозяйств и 7 фондовых участков (без построек) Новосильского уезда Тульской губернии, а также Чернского и Ливенского уездов Орловской губернии, расположенных кольцом радиусом примерно в 30 км вокруг станции с площадью пахотной земли 8 тыс. га³⁶. Это те самые «образцовые поместья», которые отбирал и изучал П.И. Лисицын, чаще всего находившиеся в крайне запущенном состоянии. В сжатые сроки приходилось практически одновременно приобретать тягловую силу и инвентарь, выполнять землеустроительные работы, нанимать трудовой и управленческий персонал, проводить сев. «Севооборотов, конечно, не было. В каждом хозяйстве выбирался наиболее подходящий кусок земли и на нём сосредотачивали все внимание» (Лисицын, 1946, с. 42). Всё это требовало ежедневного четкого руководства «на земле», присутствия во властных кабинетах для решения

³³ Эти подробности, как и имена вскоре репрессированных наркомов — сторонников и противников Госсемкультуры, были вычеркнуты из статьи «Пионеры семеноводства» при её публикации в двухтомнике сочинений Лисицына начала 1950-х гг. Детали сохранились лишь в оригинальной версии статьи, появившейся в 1929 г. в редактируемом М. Горьким журнале «Наши достижения» (Лисицын, 1929).

³⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2379 (Материалы о подготовке Всероссийского совещания по опытному делу 10 сентября 1923 г., о реорганизации сети опытных учреждений, об организации Госсемкультуры, январь—декабрь 1923 г.). Л. 103—142.

³⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Договор между Шатиловской опытной сельскохозяйственной станцией и государственным семеноводством Северо-Чернозёмной области о порядке передачи семенного материала в Госсемкультуру. 1922. Л. 59—60 об.

³⁶ Там же. Проект постановления Коллегии НКЗ к протоколу № 5 о реорганизации Госсемкультуры Северо-Чернозёмной области и финансировании Шатиловской Госсемкультуры. 1924. Л. 65.

организационных и финансовых вопросов. П.И. Лисицын разрывался между столицей и Тульской губернией, пока в Москве не была открыта контора Госсемкультуры во главе с выпускником Тимирязевской академии М.П. Самсоновым. В конторе трудились агенты для поиска и закупок материалов, оборудования, доставки наличных денег и пр. Лисицын на месте возглавил правление Госсемкультуры, состоящее из директора-распорядителя, заведующего сельскохозяйственной частью, заведующего технической частью; все трое утверждались Коллегией Наркомзема (Лисицын, 1953, с. 355). Ценой огромного напряжения сев 1922 г. провели в срок: засеяли 1216 десятин, из них 700 — выведенным Лисицыным овсом Шатиловским 33. Сразу после сева все силы были брошены на строительство. Но возникали и неотложные дела, часто далекие от семеноводства. Так, в 1922 г. в Тульской губернии, как и повсюду в Центральной России, свирепствовал тиф. Пришлось в срочном порядке восстанавливать больницу в Голуни, приглашать туда врачей; в некоторых хозяйствах открыли фельдшерские пункты.

Несмотря на общую растениеводческую направленность хозяйств Госсемкультуры, их роли в работе гигантского механизма различались. Иногда это определялось специализацией бывшего «образцового поместья». Так, в Голуни, где хорошо сохранились постройки, сосредоточили правление Госсемкультуры, ремонтные мастерские и пр.; в Дубах, расположенных вблизи станции Хомутово, возводилась главная зерноочистительная фабрика; ещё одна планировалась в Нечаево. В Михайловском разместилось стадо ярославских и владимирских коров; в Ржавцах — симменталов мясо-молочной породы и орловских рысаков; Лазавское стало центром садоводства с плодовыми садами (Лисицын, 1953, с. 344).

Хомутово. Зерноочистительная фабрика, 1925 г.

К концу 1922 г. Госсемкультура располагала почти полным комплектом сельскохозяйственных орудий. Важнейшей задачей было создание необходимого «парка» тягловой силы. Закупкой лошадей занимались через Сельскосоюз, который выписывал их в том числе с Украины. Пригласили ветеринара; одно хозяйство превратили в карантинное. После присоединения весной 1923 г. конного завода орловских рысаков в Ржавце (бывший завод Дарагана), откуда на полевые работы пришлось забрать всех жеребцов-производителей, в хозяйстве оказалось 650 лошадей. Коров закупали в Ярославской и Тверской губерниях; к 1923 г. стадо достигло 200 голов. В связи с этими закупками Лисицын вспоминал анекдотическую ситуацию: «при обсуждении сметы животноводства один из сотрудников НКФина со сценически яркой фразеровкой и соответствующей мимикой воскликнул: “Ну, я понимаю, что вам нужен навоз, но зачем же вам коровы!?”» (Лисицын, 1946, с. 44).

Самая трудная часть — строительство и оборудование зерноочистительных фабрик. На эти цели был выделен кредит в 196 тыс. рублей золотом (около 3,5 трлн рублей). В Берлин, в советское Торгпредство, командировали инженера для отбора лучших предложений. Был объявлен конкурс — с размахом, сразу в четырёх странах: Англии, Франции, Германии и Австрии. К установленному сроку поступило шесть проектов, которые доставили в Москву. В результате остановились на австрийском, предложенном фирмой «Гейде» (Heide) из Штоккерау. Главные элементы оборудования заказали немцам: двигатели — фирме «Отто Дейц» (Otto Deutz³⁷), сушильные установки — фирме «Егер» (Eger) из Халле. Строительство удалось начать ещё в конце 1922 г. одновременно в двух местах: под Хомутово (главная, наиболее мощная зернофабрика) и в Нечаево (меньшая по размеру). Его завершили в рекордные сроки; к концу 1924 г. был закончен монтаж оборудования приехавшими на место иностранными специалистами. В 1925 г. все структуры уже работали со средней мощностью. Как отметил Лисицын, «вся сложная работа по постройке и оборудованию этих фабрик прошла на редкость гладко» (Лисицын, 1946, с. 42). По мере роста площадей размножения зерноочистительные фабрики загружались все больше и больше и наконец заработали на полную выкладку; например, ежегодно сушили и чистили до 1 млн пудов только одного овса. Параллельно почти во всех хозяйствах шло бытовое и прочее специальное строительство. В течение трёх лет было возведено более 100 кирпичных, деревянных и прочих построек, к концу 1925 г. работы были в основном завершены.

Что касается растениеводческой работы Госсемкультуры, сразу после «ударного» сева 1922 г. (без севооборотов) начали снимать планы земельных участков, чтобы приступить к структурированию полей. Эту работу выполняли Лисицын и его помощники зимой 1922–1923 гг.; весной севообороты были «нанесены в натуре», и с 1923 г. сев проводился уже в семи- и восьмипольных севооборотах. В том же 1923 г. приступили к размножению клевера, гороха, затем ржи, гречихи и проса³⁸. К 1925 г. Госсемкультура давала до 40 тысяч центнеров чистосортных семян: около 25 тыс. центнеров овса, 13 тыс. центнеров ржи, по тысяче — гречихи и гороха, около 500 центнеров клевера (Лисицын, 1953, с. 321). Отметим, что одновременно Госсемкультура приносила

³⁷ Известная кёльнская фирма по производству инженерной техники. До революции фирма имела свое представительство в Санкт-Петербурге.

³⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (Второй годовой отчёт Госсемкультуры Северо-Черноземной области с приложениями отчёта о семеноводческой работе Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, 1924). Л. 31–58.

прибыль Шатиловской станции: согласно заключённому с ней договору³⁹, например, в 1922/1923 г. за селекционные семена станция получила важные для неё строительные кредиты на сумму 140 тыс. руб. (Лебедев, 1928, с. 13).

Проблемы возникли с третьей репродукцией — хозяйствами крестьян-семеноводов. Для сохранения сорта в чистоте было крайне важно, чтобы все без исключения крестьяне селения вошли в семеноводческий кооператив. Но всегда находились те, кто сомневался. С ними приходилось вести разъяснительную работу. Так, зимой 1923/1924 г. сотруднику Госсемкультуры Д.П. Волошкину:

удалось убедить девять селений Новосильского уезда (Судбищенской волости) заменить свой овес селекционным поголовно всеми домохозяевами, на плантаторских договорных началах. О кооперации в этот год нельзя было еще говорить (Лисицын, 1928, с. 31).

В следующем 1924/1925 г. при содействии отдела семеноводства Сельскохозсоюза было организовано ещё 16 семенных товариществ, с которыми Шатиловская госсемкультура заключила договор. Когда началась массовая заготовка семян, крестьяне убедились в очевидной выгоде кооперации, и дело пошло легче. К 1926 г. уже 85 товариществ объединились в Шатиловский союз семеноводов (Шатсемсоюз, или Шатилосоюз), который и являлся третьей репродукцией с площадью пахотной земли в 35 тыс. десятин (38 тыс. га); Лисицын стал его председателем. Шатсемсоюз давал урожай сортовых семян такого масштаба, который позволял заменить несортные семена по всей области в течение десяти лет. Кооперативные союзы семеноводов образовали семенное отделение хлебофуражного отдела Сельскохозсоюза РСФСР. В 1928 г. вместе с другими 13 республиканскими и краевыми союзами они составили Всероссийский семеноводческий союз (Семеноводсоюз СССР). В качестве контролирующей стадии семеноводства в области была организована апробация сортовых посевов, к которой привлекли контрольные станции всех губерний.

В 1923 г. Шатиловская госсемкультура участвовала в Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Специально для выставочных целей была подготовлена брошюра «Государственное семеноводство Северо-Черноземной области»⁴⁰.

Примерно по такой же схеме создавались другие госсемкультуры. Второй по времени создания и размерам (также 1922 г., 1500 десятин) стала Омская (Западно-Сибирская, для обслуживания региона Западной Сибири), в организации которой ведущую роль играл известный селекционер Виктор Викторович Таланов. Госсемкультура включала в себя Западно-Сибирскую областную селекционную станцию им. Н.Л. Скалозубова, особый маточный питомник при станции и маточные семенные рассадники (Омского сельскохозяйственного общества, агробазы Омского губернского земельного управления и пр.) (Гончаров, 2002). В 1923–1927 гг. были созданы и другие госсемкультуры: Саратовская (Г.К. Мейстер, на основе земского семеноводства Саратовской

³⁹ Там же. Договор между Шатиловской опытной сельскохозяйственной станцией и государственным семеноводством Северо-Черноземной области о порядке передачи семенного материала в Госсемкультуру. 1922. Л. 59–60об.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (Брошюра «Государственное семеноводство Северо-Черноземной области», подготовлена под шапкой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарной выставки, 1923). Л. 78–89.

Буклет Шатиловской Госсемкультуры на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г.

станции, для обслуживания Нижне-Волжской области) (Ильина, 1997), Средне-волжская (П.Н. Константинов, на основе Краснокутской станции, для обслуживания района Средней Волги) (Краткий отчёт... 1925), Энгельгардтовская (К.Г. Ренард, на основе Энгельгардтовской станции, для Западной области)⁴¹, Северо-Западная (В.Е. Писарев, зона обслуживания — Ленинградская область), Степная (Л.И. Говоров, на основе Воронежской станции, для обслуживания Средне-Черноземной области, восточной части бывшей Черноземной области) (Макашева, 1994), Донская (Кубанская, зона обслуживания — Северный Кавказ), Центрально-промышленная (для обслуживания Центрально-промышленного района) (Лисицын, 1953д, с. 471)⁴². Общая площадь госсемкультур — 30 тыс. га; связанные с ними семеноводческие союзы располагали ещё полумиллионом гектаров. На Украине середины 1920-х гг. двигателем сортового семеноводства стало Всеукраинское общество семеноводства и Сеть Сахаротреста (Паншин, 1924; Семенное дело... 1928; Анікіна, 2004).

В октябре 1925 г. на Шатиловской станции прошел Первый съезд госсемкультур с широким представительством семеноводов, селекционеров, чиновников Наркомзема и др. На съезде обсуждались вопросы организации и работы госсемкультур.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 6. Д. 122 (Статья «Что может дать крестьянину Смоленской губернии селекционная и семенная Энгельгардтовская сельскохозяйственная опытная станция»).

⁴² К Госсемкультурам иногда относят также Московский селекционный центр (Мосселекцентр) в Немчиновке, организованный П.И. Лисицыным (Гончаренко, 2005). Также выделяют Безенчукскую семенную сеть (С.М. Тулайков, на базе Безенчукской станции, для обслуживания Средней Волги и Заволжья), Вятскую (Н.В. Рудницкий, на основе Вятской опытной станции, зона обслуживания — Северо-Восточная область).

Деятельность госсемкультур проходила в тесном сотрудничестве с институциями, отвечающими за сортоиспытание и районирование сортов сельскохозяйственных растений. Основой советской системы сортоиспытания стало организованное в 1922 г. Бюро введения и размножения новых сортов полевых растений при Государственном институте опытной агрономии Наркомзема РСФСР (Бюро размножения семян НКЗ и Джойнта) и сортоиспытательная сеть черноземной полосы РСФСР (Сортосеть)⁴³. Руководителем Бюро стал В.В. Таланов, в то время работавший в Наркомземе РСФСР с американскими организациями помощи. Активную роль в финансировании деятельности Бюро играла Американская администрация помощи (American Relief Administration) и Еврейский объединенный комитет распределения (Jewish Joint Distribution Committee — JJDC) (Fisher, 1935). С 1924 г. по соглашению между советским правительством и JJDC была учреждена Американская еврейская объединенная сельскохозяйственная корпорация — Агро-Джойнт (the American Jewish Joint Agricultural Corporation, Agro-Joint)⁴⁴. В 1924 г. Агро-Джойнт принял участие в финансировании Сортосети РСФСР: в южных губерниях работало 17 сортоучастков (Южная Сортосеть под руководством В.В. Таланова), в центральных и северных — семь участков (Северная Сортосеть под руководством В.Е. Писарева) (Писарев, 1928, с. 58)⁴⁵. Сортосеть постепенно увеличивала объемы работ и число испытываемых культур: с 1924 г. там занимались яровой и озимой пшеницами, овсом, суданской травой и кукурузой, с 1925 г. — также рожью, с 1926 г. — ячменем, с 1928 г. — соей, кормовыми и огородными растениями (Таланов, 1930). В результате Сортосеть «к 1928 г. имела 101 опытный участок (также 37 — Украинского общества семеноводства, 15 — Сахаротреста)» (Таланов, 1930, с. 13).

Принятый в 1924 г. первый государственный план по семеноводству утвердил курс на приоритетное развитие сортоводно-семенного дела в СССР. К концу 1924 г. в стране действовало 100 опытных и селекционных учреждений, работавших в области селекции, сортоиспытания и семеноводства (в том числе станции с селекционными отделами); 30 из них были созданы за период после окончания Гражданской войны (Елина П, 2008, с. 353–362; Краткие... 1924). При этом в области материальных итогов труда селекционеров — новых сортов, собственно «советские» достижения невозможно отделить от работ, начатых до революции. Неудивительно, что «урожай» советских сортов пришёлся на середину 1920-х гг.: как отмечал В.В. Таланов, «срок в 8–10 лет от начала работы до возможности использования ее практических результатов считается для селекционных станций минимальным» (Таланов, 1930, с. 7), а основные селекционные эксперименты были начаты в 1910-е гг. Продолжая цитировать В.В. Таланова, заметим, что

⁴³ Бюро было создано для интродукции, сортоиспытания и размножения сортов кукурузы, сорго, американского пырея, суданской травы, пшеницы, гороха, фасоли и др., прежде всего в районах, пострадавших от засухи/неурожая и голода 1921 г. В 1925 г. было передано на государственное финансирование и реорганизовано в Отдел только что созданного Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. Отдел возглавил В.В. Таланов (Таланов, 1930).

⁴⁴ Jewish Joint Distribution Committee — организация, созданная в 1914 г. в США для оказания помощи нуждающемуся еврейскому населению, иммигрировавшему в эту страну. При расширении благотворительной деятельности в 1920–1930-е гг. организация оказывала помощь различным проектам и за пределами США. В частности, после голода 1921 г. Джойнт по приглашению советского правительства начал активно разворачивать деятельность и в РСФСР. О комитете и американской помощи см.: Beizer, Mitsel, 2004; Patenaude, 2002.

⁴⁵ О Бюро по сортоиспытанию и В.В. Таланове см.: Гончаров, 2002.

молодые селекционные учреждения к настоящему времени (речь идёт о 1924 г. — *О.Е.*) по целому ряду заданий прошли этот необходимый период творческой работы и, не прерывая своей деятельности в тяжёлые годы войны и неурожая, получили в деле изыскания и выведения новых сортов чрезвычайно крупные практические достижения, которым может позавидовать не только Европа, но и Америка (Таланов, 1930, с. 7).

Работа селекционных станций, дававших значительное количество сортов отечественной селекции, в сочетании с деятельностью Госсемкультуры и Госсерсети привела к ожидаемым результатам: сдвиги в области семеноводства стали заметны достаточно быстро. Производство сортовых семян с 1923 г. ежегодно увеличивалось на 75% (более 8,5 тыс. ц); размер семенной ссуды — в 2,3 раза; площадь селекционных посевов — в 1,6 раза (Чаянов, 1928, с. XXVII). Так, в 1925 г. НКЗ поручил «произвести заготовку в кампании 1925–1926 гг. до 3 млн пудов (примерно 50 тыс. тонн. — *О.Е.*) селекционного чистосортного зерна»; на эти цели было отпущено 3 млн руб.⁴⁶ По мнению Н.И. Вавилова,

созданием Госсемкультур в РСФСР и учреждением Всеукраинского общества семеноводства, вмешательством государства в селекционную работу созданы условия, ускоряющие производство сортового зерна, созданы благоприятные для размножения сортовых семян условия, которые скажутся в ближайшее время на мировом рынке (Вавилов, б.г., с. 10).

Началось массовое внедрение новых сортов в сельскохозяйственное производство. Общие площади промышленных сортовых посевов возросли с 21,9 тыс. га в 1923 г. до 1025 тыс. га в 1927 г. (Чаянов, 1929, с. XXII). Появилась возможность провести сортосмену в масштабе всей страны: заменить «беспородный» материал на более урожайный сортовой, прошедший проверку и сравнительные испытания на госсортучастках. Так, уже в 1929 г. Н.И. Вавилов заключил, что сортосмена 1920-х годов обеспечила рост урожайности в районах её проведения в среднем на 20–40% (Вавилов, 1929, с. 193). Улучшение качества советского зерна повлекло рост цен на мировом рынке на 15–30% (Чаянов, 1929, с. XXII).

Как отмечает Н.П. Гончаров,

создание семеноводческих хозяйств в послереволюционной России по масштабам было сравнимо с социальной революцией. Это был переворот в деле повышения урожайности возделываемых культур и переход к более интенсивному ведению сельского хозяйства в масштабах всей страны (Гончаров Н., Гончаров П., 2009, с. 62).

Конец проекта

Организационный план Шатиловской госсемкультуры был рассчитан на 6 лет (1922–1928 гг.). Но уже к 1926 г. выполнили почти 90% от запланированного. Удалось значительно сократить государственное финансирование; в 1927 г. Шатгоссемкультура собиралась обойтись собственными средствами, перейти на полную самоокупаемость.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1553. Протокол № 13 заседания НКЗ РСФСР (13 июля 1925). Л. 2.

Однако к тому времени становилось всё очевиднее, что над проектом нависла серьезная угроза. Как оказалась, Госсемкультура доживала свои последние дни.

Мы уже отмечали, что на пути Госсемкультуры было немало трудностей: у проекта всегда находились противники, в первую очередь из числа бюрократии Наркомзема и Наркомфина. После создания в 1923 г. Государственной комиссии СССР по планированию (Госплан) и Плановой комиссии Наркомзема (Земплан) вопросы финансирования Госсемкультуры обсуждались на совместных заседаниях Земплана и сельскохозяйственной секции Госплана⁴⁷. Кредиты по-прежнему приходилось «выбивать». Так, на расширенном заседании Земплана 2 февраля 1924 г. с трудом удалось включить пункт о финансировании Шатсемсоюза⁴⁸. Когда возникла потребность в долгосрочном кредите в 421 тыс. руб., потребовалось специальное обращение наркома земледелия в СНК, Госплан и Наркомфин⁴⁹. После смерти В.И. Ленина закончилась «высочайшая поддержка» проекта. К тому же ещё в 1923 г. в Наркомземе сменилось руководство. Новый нарком А.П. Смирнов и его заместители, до поры выполнявшие необходимые шаги по содействию проекту, в отличие от своих предшественников подчёркивали прохладное отношение к Госсемкультуре.

С появлением Смирнова подотдел Госсемкультуры, созданный в НКЗ для административного и финансового объединения этих учреждений, занялся жёстким администрированием, «контролем из Москвы». В середине 1920-х гг. это стало общим стилем руководства наркомата (Елина, 1997). Как писал Лисицын, «дело заслонила бумага»: «начался бюрократический период Госсемкультур <...> В Москву шли целые стопы всевозможнейших отчетов, и из Москвы в ответ следовали длиннейшие и наивнейшие циркуляры» (Лисицын, 1946, с. 42). Отношения центра и госсемкультур ухудшились.

В профессиональной агрономической среде отношение к Госсемкультуре было также далеко не однозначным; многие считали форсированное развитие семеноводства «перекосом». Так, докладывая проект на Всероссийском совещании (съезде) по опытному делу в Москве 1–5 сентября 1923 г., Лисицын выдержал ожесточённую борьбу:

Съезд засыпал меня градом обвинений и, между прочим, обвинением в том, что своими госсемкультурами я отвлекаю средства от опытного дела и этим гублю его (несостоятельное обвинение, так как опытные станции находятся на госбюджете, а госсемкультуры были организованы как хозрасчетные). Некоторые селекционеры обвиняли также в том, что я хочу заставить их заниматься семеноводством и, тем самым, из ученых превратиться в ремесленников, занимающихся, к тому же, не своим делом. Задачей селекционера, по их мнению, является выведение сортов; размножением же этих сортов пусть занимаются те, кому они нужны (Лисицын, 1953а, с. 348).

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1208. Л. 2–10 (Протокол № 3 заседания Коллегии НКЗ РСФСР. Пункт 4. Об утверждении государственного плана семеноводства на 1924 г. Пункт 5. О плане восстановления клеверного семеноводства, 25 янв. 1924); Л. 93–195 (Протокол № 4 заседания плановой комиссии НКЗ РСФСР. О плане государственного семеноводства. О плане селекционной и сортоводственной работы по областям РСФСР и его фактическое исполнение).

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Л. 66–66об. (Протокол расширенного заседания Президиума Земплана о финансировании Шатиловской Госсемкультуры, 1924).

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Л. 26. Докладная записка наркома земледелия Смирнова в СНК, Наркомфин и Госплан об отпуске долгосрочного кредита Шатиловской Госсемкультуре (15 марта 1924).

Там, где требовалась совместная работа с другими опытными институциями, дело обстояло ещё хуже. Лисицын вспоминал, какое сопротивление встретила попытка привлечь к делу апробации сортовых семян работников контрольно-семенных станций:

На совещании контрольников в Москве и Ленинграде мне было брошено самое тяжелое (какое только мог себе представить истый контрольник того времени) обвинение — в призыве контрольников к работе с культурными растениями, тогда как их исконным призванием и священной обязанностью считалось изучение сорняков (Лисицын, 1953а, с. 350).

Впоследствии страсти улеглись, союз был налажен, но недовольство дополнительной нагрузкой оставалось.

Не удалась и многочисленная попытка популяризации Госсемкультуры. Так, по мнению Лисицына, фельетон Сосновского «Современные робинзоны» свидетельствовал о том, что журналист не смог разобраться в сути проблемы:

По поручению В.И. Ленина один журналист должен был уяснить идею организации семеноводства и изложить её в общедоступной форме. В продолжение двух часов рассказывал я этому журналисту о своей идее, но тот признался, что ничего не понял. На следующий день беседа возобновилась и затянулась снова на два часа. На этот раз в «Правде» от 4 марта 1923 г. (№ 49) появилась статья под названием «Современные робинзоны, или Автомобиль наркома». Современный читатель (даже не семеновод), прочтя эту статью, убедился бы, что автор проекта, к сожалению, так и остался непонятым (Лисицын, 1953а, с. 351).

Сосновский ещё не раз возвращался в своих публикациях к вопросам Госсемкультуры, но выбранная тональность подачи сложного материала едва ли способствовала пониманию публикой важности этого огромного дела.

В 1927 г. было принято решение передать госсемкультуры в ведение особых трестов (Лисицын, 1946, с. 131). Такое переподчинение означало их исключение из сферы руководства и финансирования Наркомзема. В то же время опытные станции, продуценты первого уровня, оставались в подчинении наркомата. Это разобщило налаженную систему семеноводческих потоков и фактически ликвидировало вторую репродукцию. До поры Шатиловскую, Саратовскую и Западно-Сибирскую госсемкультуры удавалось сохранять при НКЗ. При этом работу Шатиловской госсемкультуры объявили «слишком масштабной» для Наркомзема, кредиты сократили (Лисицын, 1946, с. 130). Но в 1928 г. приказом наркома А.П. Смирнова оставшиеся госсемкультуры были также ликвидированы — переданы в трест и перестали существовать как самостоятельные репродукционные организации (Таланов, 1930, с. 13). В своём докладе на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10–16 января 1929 г. П.И. Лисицын подвёл итог: «С ликвидацией Госсемкультур повисла в воздухе вся вторая репродукция, а значит, нет возможности развивать третью... Между тем не везде есть даже первые репродукторы» (Лисицын, 1930, с. 31).

Историю заката Госсемкультуры трудно анализировать вне того потока крупномасштабных реорганизаций, в который попала агрономическая наука и всё сельское хозяйство на рубеже 1930-х гг. Госсемкультура пала жертвой первых шагов к будущей коллективизации: сворачивания НЭПа и хозрасчётных отношений, конца семеноводческой кооперации, основанной на добровольном объединении крестьян. Как заметил Лисицын, «первый этап советского семеноводства окончился» (Лисицын, 1946, с. 43).

Коллективизация и раскулачивание уничтожили наиболее активную и культурную часть крестьянства. Не успев наладить работу по обслуживанию крестьянина-собственника, не проведя полномасштабную сортосмену в масштабах СССР, советская агрономия должна была срочно поменять объект приложения своих усилий. Смена курса на коллективизацию отозвалась кардинальной перестройкой опытной работы на всех уровнях. По словам Н.М. Тулайкова, проведение коллективизации заставляло учёных «с особой напряженностью искать научного обоснования для организации колхозов» (Есаков, 1971, с. 238).

Говоря о «великом переломе» в области сельского хозяйства — создании «крупного социалистического земледелия (колхозного и совхозного)», И.В. Сталин объявил о создании «крупных зерновых фабрик»:

Рухнули и рассыпались в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40–50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только практика должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики (Сталин, 1949, с. 129).

Вроде бы всё сказанное можно отнести к Госсемкультурам, доказавшим свою эффективность. Но, несмотря на схожую терминологию, речь шла совсем о других — совхозных и колхозных «фабриках». Постановление 1931 г. о семеноводстве окончательно похоронило идею Госсемкультур⁵⁰. Кроме радикального слома существовавшей системы репродукции семян и перехода к семеноводческим трестам (СССР, РСФСР и УСССР) при последующем подключении семеноводческих колхозов (райсемхозов), постановление предписывало также проведение полной сортосмены на всей территории СССР, сокращение сроков выведения новых сортов с прежних 10–12 лет до «ударных» четырёх (Состояние... 1931). Но вскоре и тресты, сменившие Госсемкультуры, были упразднены; «зерноводческие фабрики» новых советских коллективных хозяйств работали в далеких от научно-организованного семеноводства условиях, без участия селекционных станций и второй репродукции, то есть без того важнейшего звена, которое позволяло поддерживать чистоту посевного материала (Герчиков, Тюрников, 1931; Ицков, б.г., Борзенко, 1958). Госсемкультуры, поднявшие Советскую Россию «с колен» зерновых закупок, оказались историей.

В период гонений на Госсемкультуру П.И. Лисицын возглавлял Шатиловскую станцию (с 1925 г.), на которой также наступили нелёгкие времена. Директор пытался противостоять набиравшему силу новому реформистскому «отраслевому» движению в опытном деле, в корне расхोлившемуся со всем тем, что долгие годы выстраивал он и его коллеги. Недавние знакомые по Наркомзему, местным земельным органам и даже некоторые шатиловцы развернули против него кампанию-травлю с публикациями в местной прессе. В преддверии будущей реорганизации станции и, главным образом, из-за необратимых процессов с Шатгоссемкультурой, в 1928 г. П.И. Лисицын принял непростое для себя решение оставить станцию, согласившись возглавить кафедру селекции Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Создание в мае 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина с сетью научно-исследовательских институтов «в целях развития сельскохо-

⁵⁰ О селекции и семеноводстве: Постановление Центральной Контрольной комиссии и Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 2 августа 1931 г. // Правда. 1931. 3 авг.

зайственного опытного дела и мобилизации агрономической науки на службу скорейшего подъема сельского хозяйства и социалистической реконструкции» (Есаков, 1971, с. 231) перекроило существующую опытную систему страны, организовав её по отраслевому принципу. Возникли институты почти по всем возделываемым культурам — от картофеля до сои; им придавалась сеть зональных станций и районных опорных пунктов. Каждый институт и подчинённые ему учреждения должны были покрывать всю технологическую цепочку возделывания и переработки растения той или иной культуры — от выведения сорта до выпуска конечного продукта. Произошла перестройка и опытной сети Наркомзема. Комплексные опытные станции с системой опытных полей, обслуживающие крупные почвенно-климатические и природно-хозяйственные зоны (независимо от административного подчинения составных частей этих зон) заменялись отраслевыми. Начались преобразования и на Шатиловке: многопрофильная станция не соответствовала тенденциям развития опытной науки конца 1920-х гг.

Реорганизация коренным образом изменила направленность исследований Шатиловской станции: она переходила «из рук в руки», от одного ведомства к другому. В 1931 г. станция как комплексное опытное учреждение перестала существовать. В 1931–1932 гг. она работала как зональная опытная станция по конопле; в 1933 г. стала Селекционным центром зернового хозяйства Наркомзема СССР. Далее наметилась свекловичная специализация: в 1935 г. влилась в Курскую областную сельскохозяйственную опытную станцию свекловичного полеводства. Обсуждался вопрос о создании на ее базе Всесоюзного института лубяных культур (Пухальский, 1946). К числу бед Шатиловской станции добавим и многочисленные репрессии, которым подверглись её сотрудники и покровители — заведующие отделами В.Н. Хитрово, А.Н. Харузин и др., патроны из числа высоких чиновников — от Н. Осинского (В.В. Оболенского) до С.К. Чайнова.

Госсемкультура была одним из первых модернизационных проектов Советской России. Система воспроизводства сортовых семян, разработанная Лисицыным, позволила стране в кратчайшие сроки провести сортосмену во многих регионах, ликвидировать зависимость от зернового импорта. По грандиозности замысла и итогам реализации (частичной) Госсемкультура могла бы занять место в одном ряду со знаменитой «химизацией сельского хозяйства» Д.Н. Прянишникова — ещё одним проектом 1920-х гг., успешно перешагнувшим порог Великого перелома. История Госсемкультуры является важным примером того, как происходила «национализация прикладной науки», приход государства в качестве главного игрока на агрономической сцене.

Научным материалом для Госсемкультуры стали «достижения советских селекционеров» — первые селекционные сорта, работа над которыми началась ещё в дореволюционный период. В их числе — Лисицынские сорта ржи, овса, клевера, гречихи, «селекционные шедевры, десятилетиями не сходившие с районирования» (Зарьянова, 2012, с. 80); выданные Лисицыну авторские свидетельства стали первыми в Советской России. История Госсемкультуры позволяет увидеть вариант инкорпорирования дореволюционной научной элиты и её достижений в ранние советские проекты. Патронаж селекции и семеноводства высшими руководителями государства и его утрата — не менее важный элемент жизни проекта и одновременно пример раннего советского клиентизма.

Можно с определенностью сказать: и начальный успех, и крушение Госсемкультуры были связаны с экономической и социальной политикой советской власти — введением и отменой НЭП, поддержкой кооперации и курсом на коллективизацию. Госсемкультура не могла существовать без хозрасчёта — экономической основы отношений между её основными институциями. Коллективизация уничтожала крестьянские кооперативные союзы, проводившие массовую репродукцию сортовых семян. Пришедшие на смену кооперации «семеноводческие колхозы» и «райсемхозы», существовавшие вне связи с селекционными станциями, основанные на бесконтрольном труде вчерашних крестьян, ознакомили новый этап в развитии советского семеноводства.

Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации»

Автор благодарит Н.П. Гончарова за ценные рекомендации и поправки, А.А. Федотову — за редакторскую работу с текстом, а также двух анонимных рецензентов за полезные замечания и предложения. Фотографии любезно предоставлены А.П. Лисицыным, хранителем Мемориального кабинета—библиотеки академика ВАСХНИЛ П.И. Лисицына.

Литература

- Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
- Анікіна О.П.* Періодичні видання як джерело з історії агрономії в Україні 20–30-х рр. ХХ ст.: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.07 / УААН. Держ. наук. с. — г. б-ка. К., 2004. 21 с.
- Борзенко М.Л.* Строительство зерновых совхозов в 1928–1932 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 251 с.
- Вавилов Н.И.* Предисловие // Государственный сортовой фонд 1925–1926 гг.: Описание сортов и краткая их характеристика / Сост. Т. Рунов. М., [Б. г.]. 73 с.
- Вавилов Н.И.* Селекция и сортовое семеноводство как государственные мероприятия в борьбе за урожай // Пути подъема и социалистическая реконструкция сельского хозяйства. М.; Л.: Госиздат, 1929. 319 с.
- Гарвуд А.* Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке. М.: Красная новь, 1924. 227 с.
- Герчиков М.Г., Торников И.И.* Социалистические фабрики зерна. М.: Сельхозгиз, 1931. 39 с.
- Глазко В.И., Чешко В.Ф.* Август–48. Уроки прошлого (Научное киллерство, к истории советской генетики, к феномену распада СССР). М.: РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 441 с.
- Гончаренко А.А.* Московский селекционный центр по зерновым культурам: история, проблемы и перспективы // Информационный вестник ВОГИС. 2005. Т. 9. № 3. С. 324–332.
- Гончаров Н.П.* Организатор системы государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В.В. Таланова) // Информационный вестник ВОГИС. 2002. № 20. С. 6–13.
- Гончаров Н.П., Гончаров П.Л.* История методов селекции растений // Методические основы селекции растений. 2-е изд. Новосибирск: Гео, 2009. 427 с.
- Горбунов Н.П.* Как работал Владимир Ильич. М.: Партиздат, 1933. 54 с.
- Государственный сортовой фонд 1925–1926 гг. Описание сортов и краткая их характеристика / Сост. Т. Рунов, предисл. Н.И. Вавилова. М.: Изд-во Отд. Семсуды НКЗ РСФСР, [б. г.]. 73 с.

Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М.: Наука, 1971. 271 с.

Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в конце 1920-х гг.: советский вариант реформы // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20–30-х годах. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 27–85.

Елина О.Ю. Русская научная сказка. Демчинские и грядовая культура хлебов // Социокультурные проблемы науки и техники: Сб. тр. Вып. 1. М., 2002. С. 94–103.

Елина О.Ю. От развлечений аристократов до декретов большевиков: веги российской селекции. Конец XIX века — 1920-е гг. // На переломе. Вып. 3. Отечественная наука в конце XIX–XX веках. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 133–155.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII — 20-е годы XX века. В 2-х т. М.: Эгмонт-Россия, 2008.

Елина О.Ю. У истоков отечественной селекции и семеноводства. П.И. Лисицын на Шатиловской станции и Госсемкультуре. М.: РГУ–СХА, 2015 (в печати).

Зарьянова Т.Н. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах. Орел: Труд, 2013. 591 с.

Ильина Л. Г. Основоположники саратовской селекции (А.И. Стебут, Г.К. Мейстер). Ч. 1 / Сост. Ю.А. Курбатов, Т.В. Токарева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 127 с.

Ицков Н.Я. Зерносовхозы в большевистскую посевную кампанию 1930. М., [б. г.]. 29 с.

Коль А.К. Уроки американского земледелия и наши задачи // Хочу все знать. 1924. № 8. С. 6–16.

Компанеев М.К. Ученые-агрономы России. Из истории агрономической науки. М.: Колос, 1971. С. 175–183.

Краткие справочные сведения об опытных и селекционных учреждениях, работающих по селекции, сортоиспытанию и семеноводству // Селекция и семеноводство в СССР: Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. / В.В. Таланов (ред.) М.: Новая деревня, 1924. С. 344–371.

Краткий отчет о деятельности Краснокутской С. — Х. Опытной Станции в 1924 году. Покровск: Изд-во Немволбанка, 1925. 112 с.

Кузьмина Н.Г. Правовое регулирование селекционной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 223 с.

Лебединцев А.Н. Очерк развития опытного дела в Области // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898–1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ, 1928.

Ленин В.И. [н.л.] Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 663.

Ленин В.И. С.Л. Сосновскому // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 300–301.

Ленин В.И. В финкомитет // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 307.

Лисицын П.И. Проект организации агроцентра «Моховое» в связи с Шатиловской сельскохозяйственной опытной станцией // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции 8–9 мая 1919 г. Орел, 1920а. С. 45–46.

Лисицын П.И. Развитие Шатиловской опытной станции в связи с использованием «Мохового» // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции 8–9 мая 1919 г. Орел, 1920б. С. 36–44;

Лисицын П.И. Селекционный отдел // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельско-хозяйственной опытной станции. М.: Наркомзем. Опытный отдел, 1928. С. 31–48.

Лисицын П.И. Пионеры семеноводства // Наши достижения. 1929. № 4. С. 126–134.

Лисицын П.И. Принципы организации семеноводства и государственного контроля // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству

в Ленинграде 10–16 января 1929 г. Том V. Семеноводство и сортоизучение. Л.: Издание редколлегии съезда, 1930. С. 217–218.

Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания) // Селекция и семеноводство. Специальный выпуск: 25 лет советского семеноводства, 1921–1946. 1946. Спецвыпуск.

Лисицын П.И. Госсемкультура // Лисицын П.И. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 2. Агротехника, селекция и семеноводство зерновых культур. М.: Сельхозгиз, 1953а. Т. 2. С. 338–356.

Лисицын П.И. Проект организации снабжения населения улучшенными семенами в Северо-черноземной области // Лисицын П.И. Избранные сочинения. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953б. Т. 2. С. 326–337.

Лисицын П.И. Развитие Шатиловской станции в связи с использованием Мохового // Лисицын П.И. Избранные сочинения. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953в. Т. 2. С. 256–260.

Лисицын П.И. Пионеры семеноводства // Лисицын П.И. Избранные сочинения. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953г. Т. 2. С. 316–325.

Лисицын П.И. Семеноводство в довоенной России и в СССР (этапы развития социалистического семеноводства) // Лисицын П.И. Избранные сочинения. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953д. Т. 2. С. 468–471.

Макашева Р.Х. Леонид Игнатьевич Говоров // Соратники Николая Ивановича Вавилова: Исследователи генофонда растений. СПб.: ВИР, 1994. С. 137–148.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

О селекции и семеноводстве: Постановление Центральной Контрольной комиссии и Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 2 августа 1931 г. // Правда. 1931. 3 авг.

О семеноводстве: Декрет Совета Народных Комиссаров 13 июня 1921 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. С. 236–238.

Панишин Б.А. Сортоводно-семенное дело Сахаротреста. Киев: Изд-во ССУ Сахаротреста, 1924. 78 с.

Писарев В.Е. Прикладная ботаника и селекция // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. Л.: Гос. ин-т опыт. агрономии, 1928. С. 58–66.

Положение о Шатиловской Госсемкультуре: Декрет Совета Труда и Оборона от 4 января 1922 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 289–293.

Пухальский А.В. 50 лет Шатиловской госселекстанции // Селекция и семеноводство: Юбилейный номер, посвященный 25-летию советского семеноводства. 1946. С. 51–55.

Пухальский А.В. Основоположник отечественной системы семеноводства // Развитие научных идей академика П.И. Лисицына. М.: ТСХА, 2003. С. 5–12.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967.

Семенное дело Сахаротреста и его сортовой фонд / Сост. В.А. Лебов. Киев: Изд-во ССУ Сахаротреста, 1928. 156 с.

Сосновский А. К обновленной земле // Хочу все знать. 1924. № 8. С. 1–5.

Сосновский Л.С. Современные робинзоны, или Автомобиль наркома (истинное происшествие) // Правда. 1923. 4 марта.

Сосновский Л.С. «Об обновленной земле». Предисловие к изданию 1924 г. // Гарвуд А. Обновленная земля. М.: Красная новь, 1924. С. 3.

Состояние и задачи семеноводства СССР: Сборник статей / Под ред. Г.К. Мейстера и В.А. Химчука. М.; Л.: Госсельхозиздат, 1931. 279 с.

Сталин И.В. Год великого перелома. К XII годовщине октября // Сталин И.В. Сочинения. М.: Политиздат, 1949. Т. 12. С. 129.

Таланов В.В. Государственное сортоиспытание и его выводы по отношению к стандартизации, селекции и семеноводству // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10–16 января 1929 г. Т. 5. Семеноводство и сортоизучение. Л., 1930. С. 13–20.

Таланов В.В. Общий очерк успехов и перспектив селекции и семеноводства // Селекция и семеноводство в СССР: Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. / В.В. Таланов (ред.). М.: Новая деревня, 1924. С. 6–12.

Таланов В.В. Результаты работ по испытанию и введению новых сортов сельскохозяйственных растений «Сетью опытных участков юга и юго-востока России» и «Бюро размножения семян НКЗ и Джойнта» // Селекция и семеноводство в СССР: Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. / В.В. Таланов (ред.). М.: Новая деревня, 1924. С. 225–245.

Троицкая Т.П. Петр Иванович Лисицын. М.: Агропромиздат, 1988. 128 с.

Франц И.В. Из прошлого // Правда. 1969. 6 авг.

Чаянов С.К. Организация сельскохозяйственного опытного дела // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР в 1917–1927 гг. / Под ред. С.К. Чаянова. Л.: Изд-во ГИОА, 1928. С. 1–XXIX.

Чешко В.Ф. Наука и государство: методологический анализ социальной истории науки (генетика и селекция в России и Украине в советский период). Харьков: Основа, 1997. 370 с.

Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton: Princeton University Press, 1978. 472 p.

Beizer M., Mitsel M. The American Brother: The “Joint” in Russia and the CIS. Jerusalem: American Jewish Joint Distribution Committee, 2004. 208 p.

Bruisch K. Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau Verlag Köln. 2014. 394 S.

Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia, 1919–1923: the operations of the American Relief Administration. New York: Macmillan, 1927. 609 p.

Fitzpatrick S. Intelligentsia and Power. Client-Patron Relations in Stalinist Russia // М. Hildermeier (ed.) Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: neue Wege der Forschung. München: Oldenbourg, 1998. S. 35–53.

Harwood J. Styles of Scientific Thought. The German Genetics Community, 1900–1933. Chicago & London: University of Chicago Press, 1993. 423 p.

Harwood J. Technology’s Dilemma: Agricultural Colleges between Science and Practice in Germany, 1860–1934. Bern: P. Lang, 2005. 288 p.

Harwood J. Europe’s Green Revolution and Others Since: The Rise and Fall of Peasant-Friendly Plant Breeding. London: Routledge, 2012. 269 p.

Heinzen J.W. Inventing a Soviet Countryside. State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004. 297 p.

Moon D. The Plough that Broke the Steppe. Agriculture and Environment on Russia’s Grassland, 1700–1914. Oxford: Oxford University Press, 2013. 319 p.

Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Köln-Graz: Böhlau, 1986. 246 S.

Pandora K. Knowledge Held in Common: Tales of Luther Burbank and Science in the American Vernacular // Isis. 2001. Vol. 92. № 3. P. 484–516.

Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.

Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture / S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, and R. Stites (eds.) Bloomington; Indianapolis: Indianapolis University Press, 1991. 344 p.

Rowney D.K. Transition to Technocracy: the Structural Origins of the Soviet Administrative State. Ithaca: Cornell University Press, 1989.

Svalöf, 1886–1986. Research and Results in Plant Breeding / G. Olsson (ed.). Stockholm: LTs Förlag, 1986. 291 p.

Tauger M. Famine in Russian History // The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 2011. Vol. 10. P. 79–92.

Uekötter F. Die Wahrheit ist auf dem Feld. Eine Wissensgeschichte der deutschen Landwirtschaft. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 524 S.

Walker B. Kruzhek Culture: The Meaning of Patronage in the Early Soviet Literary World // Contemporary European History. 2002. Vol. 11. № 1. P. 107–124.

Pyotr Lisitsyn and His Shatilov Gossemkul'tura as a Project of State Seeds Cultivation

OLGA YU. ELINA

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; olga.elina25@gmail.com

The paper discusses the scientific-organizational project of the prominent Russian breeder Pyotr I. Lisitsyn (1877–1948) and his creation of a seed sorting culture in accordance with the state system. Enlisting the support of the high level Soviet leaders, Lisitsyn succeeded in becoming the first of many seed breeders both to run the project on a national scale in a short span of time, and to build the Shatilov Oat Trust (Gossemkul'tura) from the ground up to full operational power. The paper addresses to the history of the formation, function, and later decline of the Shatilov Oat Trust. It was one of the first projects of state agricultural modernization, and a fundamental element of practical plant breeding and seed culture institutionalization in the Soviet Russia in 1920s.

Keywords: plant breeding, seed culture, Pyotr Lisitsyn, Shatilov Agricultural Experiment Station, Shatilov Oat Trust, modernization of agriculture, USSR.